

В

одном из своих эссе литературовед Лариса Баранова-Гонченко, цитируя стихотворение Дианы Кан, написала: «Это стихи <...> из книги, которая вышла тиражом всего 600 экземпляров. И как мы с этими шестьюстами экземплярами разберемся, как познакомимся друг с другом?..» Книга Кан «Подданная русских захолуствий» (2003) весьма объемиста, почти 200 страниц. А я вот держу в руках ее тоненький 70-страничный сборник «Млечный мост», вышедший в 2019 году — в год 55-летнего юбилея автора — в Оренбурге тиражом всего 100 экземпляров. Держу и думаю думаю невеселую.

Вроде радоваться надо — книга вышла, в ней собраны замечательно талантливые новые стихи, которые до того, как попасть под тонкую обложку, активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет у меня. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как книги Дианы Кан издавались тиражом «всего» 600 экземпляров — и вот такой «прогресс»: спустя полтора десятилетия плодотворной работы автора тираж уменьшился на пятьсот экземпляров. Чем более известной становится поэтесса, тем сильнее сокращаются тиражи ее книг.

Позвонил я Диане и как смог тактичнее высказал ей свои мысли. В ответ услышал: «Эдуард Константинович, я рада даже такому сборнику. Лучше такая книга, маленькая-тонень-

кая-малотиражная, чем никакой! К тому же она дорога мне тем, что ее издали мои читатели, обычные люди, никакие не олигархи. Взяли кредит, чтобы издать мою книгу, и я им очень благодарна...»¹

Что мне оставалось сказать? Что «эта книга небольшая томов премногих тяжелей»? Это я и сказал, добавив, что в ней что ни стихотворение — то самоцвет. А особенно приятно, что вошло в эту книжечку новое стихотворение Дианы, которое хоть и не посвящено мне, но я его считаю по праву своим. Ведь речь в нем идет о моем пестравском самарском селе:

Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная».
Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостьюшка званая.
А ведь ты нежданно-непрощенно
Заскочила узнать, сколько времечка?
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.
И, забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнется ласково
Духовитый чаек ромашковый.
В нем степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостья заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.
Угощаешься властью смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина,
Разве знала ты это заранее?..

Диана Кан не раз была желанной гостьей наших сельчан. Помнится, когда еще не сгорел в нашем селе культурный центр, выступала она там. Когда культурного центра в селе не стало, она приезжала и читала свои стихи со сцены школы села Майское... Каждый раз это были новые вещи, и люди не переставали удивляться, насколько многообразно ее творчество.

Многие годы я не мог определить, поэт или поэтесса Диана Кан. Помнится, спросил ее, мол, как мне тебя называть, если надумаю написать о тебе очерк? Посмеялась: «Как хочешь, хоть горшком назови, только в печку не ставь». И добавила, что определение «поэт» или «поэтесса» для нее непринципиально. Можно носить брюки, но при этом быть поэтессой. А можно и в платье с оборками видеть мир, как поэт.

И вот, наконец, спустя много лет я определился во мнении. Диана Кан — поэт. Один из лучших в России. Это не отменяет того, что она очень красивая женщина. Последние годы я стал видеть ее очень редко, она уехала на свою оренбургскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Я и большинство самарских писателей надеемся, кто тайно, а кто и вслух, что Кан вернется в Самару. Потому что без нее литературный процесс здесь потерял множество красок. Однако теперь я смог взглянуть на нее иначе, ее яркая внешность перестала мне мешать воспринимать ее как автора. Стихи, которые она написала в разлуке с Самарой и Волгой, не по-женски жесткие, откровенные и самоироничные, «поэтесса» никогда не напишет:

¹ Сборник стихотворений Дианы Кан «Млечный мост» (2019) издан в Оренбурге на средства Сергея и Алины Мотыженковых.

Диана Кан

Млечный мост

Мы поэты... А, значит, нам так и надо!
Не впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладкозвучным елеем.

<...>

...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а пуще — Вере, Любви, Надежде...
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поименно — другие. По сути — те же.

Многих изумляет манера стихосложения Дианы Кан. Словно играючи, она соединяет бытовое с бытийным, высокое — с низким, пафосное — с ироничным и делает так естественно, что понимаешь: стихия русской речи изначально дана Диане.

В новых стихах, написанных уже в Оренбурге, раскрывается новая грань ее таланта — художественная самоироничность, ко-

торую практически не встретишь в стихах поэтесс. Как правило, самоирония — чисто мужское качество. Вот как рассматривает Кан чисто женский диалог с зеркалом, который встречается еще в пушкинском сюжете о мачехе, завидующей молодой падчерице:

Причешься, причепурись,
Улыбнись, примерь обновы!..
— Свет мой, зеркальце, заткнись!
Мне и без тебя хреново.

По спирали жизнь бежит...
Поспирали, поспирали
Годы юный шелк ланит,
Что остался в зазеркалье.

Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Все вы врете, зеркала!
Хоть я правды не просила!

Строчка встала на крыло
И далеко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну, твое какое дело?

<...>

Свет мой, зеркальце, храни
Память нашей первой встречи.

В зазеркальных тайниках
Пусть живет девчужка эта,
Что не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.

Здесь конфликт совсем не женский. Это конфликт поэта, небесного избранника, который остается художником лишь в той степени, в какой в нем живет детство. Умение посмеяться над собой, над своими женскими слабостями вывело творчество Кан из женской «резервации» на просторы поэзии.

Особенно значимы у каждого поэта стихи про малую родину. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. В малом, в мелочах, в быту человек раскрывается порой наиболее полно:

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи приبلудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это все она, моя Россия!
Это я, ее родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела — да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности как автор яркой гражданской лирики. Потом отошла от этой темы и интонации, но, видимо, для того, чтобы вернуться к ним на новом витке творческого полета. Не будем забывать, что Оренбуржье, где она сейчас живет и работает, да и Самарский край, ставший ее поэтической отчиной, прославлены в веках как край Пугачевского восстания. Мало кто знает, что пленен Емельян Пугачев был на территории Пестравского района и через село Мосты этапирован генералиссимусом Суворовым в столицу к месту казни. Как ни крути, придется признать, что неоднозначная личность Пугачева навек породнила Урал с Волгой, а Оренбуржье с Самарским краем:

Край мой мятежный. Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачевщиной дышит.
Край мой далекий от Первопрестольной.
Горем завейся — Москва не услышит.
Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?
Царь ли царевич? Король королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Сегодня все понимают, что идет активное уничтожение страны «новыми ляхами». И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли, что же с этим делать и где тот спаситель Отечества, которого так ждут, но в которого при этом никто не верит? Потому что не все хотят, чтобы он пришел с огнем и мечом. Вот как видит возрождение России путем эволюции Диана Кан:

Он вел их, молча, по былинным,
По диким муромским лесам —
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.

Вел, обходя в пути святыни,
Не гратя понапрасну слов,

Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.

Он вел их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.

Вел, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий —
Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор —
Как миновать в пути Освенцим
И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрышки вам, ни дна...
«Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин. —
Варшава-матушка видна!..»

Вновь наступило время гражданской лирики.

Я частенько звоню Диане, и говорим мы в основном о политике, как и все. Но при этом я согласен с ней, что судьба России уже решается не на земле...

